



ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА



Философское измерение



УПРАВЛЕНИЕ ПОНИМАНИЕМ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ КОНФИГУРАЦИИ

С.А. МАЛЯВИНА

Технологии социальных изменений остаются одним из самых интересных и проблемных современных вопросов для представителей сразу многих социальных групп и профессиональных сообществ, имеющих разные установки деятельности, понимание и формы мышления, способы действия: философов и политиков, коммуникаторов и социологов, представителей региональных властей, бизнеса и общественных организаций, важнейших социальных институтов – образования, здравоохранения, культуры. Прибавим к этому то, что участниками социальных перемен становятся и те, кто не является активно заинтересованным в вопросах теории или технологий, но заинтересован в результатах и итогах социальных перемен, приводящих к переменам в их повседневной жизни.

Такая разноплановость (а она проявляется в разных целях или отсутствии цели) активных и пассивных участников социальных изменений делает разработку технологий социальных перемен весьма сложной деятельностью, потому что в первую очередь эта деятельность ставит вопрос об организации взаимного понимания. В силу уже упомянутой разности ценностных установок и образовательного уровня вряд ли можно поставить задачу создания общего для всех дискурса по поводу социальных перемен, который задавал бы общий для всех порядок понимания. Еще для первой половины XX века социальные перемены можно было (пусть и с большими искажениями от заявленного идеала) осуществлять с опорой на естественнонаучные представления о социальности, тотальные проектные конструкции и представления о единой антропологической реальности¹, и в этом смысле можно было приблизиться к единому дискурсу, обеспечивающему понимание практически всех. Сегодня же, в связи с изменениями видения стратегий социального развития, изменениями представлений о социальной и антропологической реальности, с процессами дифференциации и различения, происходящими в обществе, необходимостью учета процессов дифференциации и различения социальных дискурсов,

им адекватных, управление *пониманием и взаимопониманием* в ходе социальных перемен становится еще более важной задачей. Однако для ее решения приходится использовать сложный и столь же дифференцированный, как и сам объект перемен, технологический набор (управление пониманием возможно только при наличии взаимопонимания, что важно, поскольку это процессы разнонаправленные, а не рядоположенные).

В данном случае *управление пониманием* используется осмысленно, хотя более привычно было бы говорить о *формировании понимания*. Привычно, но неправильно, опять же в связи с дифференцированным процессом технологических и социальных изменений. Ведь мы должны постоянно отслеживать, как изменения в проектной плоскости влияют на естественные процессы, и корректировать их. Любые технологические и социальные изменения предполагают определенное воздействие на первоприроду: людей, сообщества, — именно в этом и состоит эффект управления, управление затрагиваемыми интересами.

Современный опыт социальных изменений и их описаний позволяет выделить как минимум *пять групп технологий*, с помощью которых сегодня производится управление пониманием и взаимопониманием в ходе социальных изменений.

Группы технологий управления пониманием	Конкретные техники управления пониманием
Рефлексивное управление ²	<ul style="list-style-type: none"> – Идеология – Реклама и брендинг – Формирование культурных образцов в основном через визуальное восприятие (кино и телевидение) – «Семиотические вирусы»³ – Повестка дня и метасюжеты в публичных коммуникациях⁴
Управление знаниями ⁵	<ul style="list-style-type: none"> – Новые типы знаний, такие, как: навигаторы⁶, тесты, базы данных – Традиционные типы знания, такие, как научно-теоретические (факты, средства выражения, методики, онтологические схемы, модели, знания, проблемы, задачи), практико-методические, конструктивно-технические⁷
Управление через сообщества и разделяемые ими образы жизни ⁸	<ul style="list-style-type: none"> – Партии – Общественные движения и организации – «Клубы по интересам» – Интернет-сообщества⁹ – Профессиональные ассоциации – Молодежные движения

Инфраструктурное управление ¹⁰	<ul style="list-style-type: none"> – Гаджеты (как элемент инфраструктуры)¹¹ – Социальные инфраструктуры: городские инфраструктуры, здравоохранение, социальная защита, образование, физкультура и спорт, питание, культура и искусство, формы досуга, корпорации, интернет, рынок труда и т.п.
Нормативное управление	<ul style="list-style-type: none"> – Законодательство¹² – Стандарты (в том числе образовательные, профессиональные, стандарты лечения, бизнес-стандарты)¹³ – Организационные схемы (организационные, документооборот: от стратегий и концепций до отчетности) – Этические нормы

Как известно, простейшая ситуация управления пониманием начала рассматриваться древними греками как ситуация убеждения отдельного человека или группы людей с помощью правильного построения речи – риторики. Разработка правил риторики и обучение этим правилам были одновременно созданием единого порядка построения речи и ее понимания, формированием ожиданий от убедительной речи в отличие от неубедительной.

Но вместе с изменением социологических представлений, особенно в связи с введением представлений об аутопойезисе¹⁴, самопорождении социума¹⁵ и построении модели общества, где коммуникации и смыслообразование представляются процессами, порождающими социальные структуры¹⁶, появляется возможность сопоставлять понимание и социальные перемены, поскольку понимание уже не рассматривается лишь как процесс, связанный с сознанием отдельного человека или двух общающихся между собой людей. Понимание становится сомасштабным процессам социальных перемен¹⁷.

Например, вводя представление о социуме как о самореферентной системе, Луман указывает, что развитие социальных систем ведет к усложнению технологий управления процессом понимания, представляя процесс понимания как постоянное самоизменение смысла, происходящее через процессирование дифференции события и структуры¹⁸. Событие порождает его описание, порождающее следующее событие. Так происходит самоизменение смысла. Таким образом, управление смыслами и пониманием становится управлением событиями и структурами их описания (наблюдения, рефлексии, познания в определенном дискурсе). И выделенные нами группы технологий распределяются от чистой рефлексивности коммуникации и понимания до инфраструктурной и нормативной организации события.

Собственно говоря, мы наблюдаем дифференциацию риторического дискурса как единственного и единого в простейших ситуациях управления пониманием в коммуникации на типы и отдельные техники управления пониманием, как показал С.А. Наумов, аналогично происхождению путем дифференциации разных операторов пространства публичной коммуникации (легитимных позиций, экранов, знаковых конструкций, собственно событий) из одного исходного оператора – события, понимаемого как некоторое происшедшее, о котором потом рассказано¹⁹. Эта дифференциация наблюдается в ситуации, когда слушателей явно больше одного, они могут никогда не встретиться в реальной жизни произносящего речь/слово. Слушатели ему незнакомы как конкретные люди и не будут никогда знакомы, тем более, когда они одновременно являются еще и зрителями и все больше сами участниками (писателями, режиссерами, певцами, организаторами событий и т.п.), когда слушатель работает в «клиповой технологии» восприятия, т.е. не задерживает свое внимание долго на одном сообщении. В ситуации, когда вообще невозможно определить – а кто он, этот слушатель? До этого понимания, наконец, дошли даже российские гуру пиара, обсуждая, что понятие «целевой аудитории» перестает работать. В такой ситуации с множественной и распределенной коммуникацией, с множеством накладывающихся друг на друга коммуникативных посланий и действий, с явно непредсказуемым, непросчитываемым точно результатом понимания дискурс, как единственный инструмент управления пониманием, сам должен был расщепиться, дифференцироваться по крайней мере на пять перечисленных технологических групп управления пониманием, которые мы перечислили выше.

И, в общем, понятно, как именно происходила дифференциация (расщепление):

- из дискурса обособилась как самостоятельная технологическая группа – группа, несущая функцию формирования установок (группа технологий, несущих рефлексивное управление);
- обособилась группа, связанная со знанием (от теоретического до практического и навигационного);
- группа, которая внутри дискурса несла собственно функцию общительности;
- группа инфраструктурного управления (в дискурсе это была функция установленного порядка речи вместе с каналами и позициями, которые осуществляли (могли осуществлять данный дискурс), которая, собственно и обеспечивала понимание, делала его возможным и селективным²⁰ и одновременно оставляла достаточную степень свободы говорящему и понимающему);
- и, наконец, группа, определяющая направление дискурсивности, коммуникации и ее ограничения (интересно, что при

ближайшем рассмотрении она сближается с первой группой рефлексивного управления).

Важен при этом также эффект мультипликативности применяемых технологий или технологических приемов из разных групп. Каждая технология, взятая в отдельности, сегодня редко применяется в практике управления пониманием, если мы говорим о понимании в контексте социальной, а не индивидуальной коммуникации. Эти технологии и даже несколько групп технологий приходится применять и организовывать вместе (что само является техникой и искусством социальной инженерии) в зависимости от поставленной задачи (или того, как видится эта задача).

В данной статье применение таких технологий будет показано на примере двух реализующихся в настоящее время больших государственных программ социального развития, на материале которых можно увидеть проблемы и решения, связанные с управлением общественным пониманием: на примере **Программы развития Службы крови** и **Программы формирования здорового образа жизни**.

Программа развития Службы крови России рассчитана на 2008 – 2012 гг. и основной своей целью имеет переход на новые современные и единые для всей страны стандарты забора и переливания крови, чего требует развитие современного здравоохранения во всем цивилизованном мире. Итогом реализации этой программы должно стать переоснащение новым оборудованием станций переливания крови во всех регионах России, переход на новые технологии переработки крови на компоненты, обеспечивающие увеличение безопасности при заборе и переливании крови, а также своевременное и достаточное количество крови для нужд современного здравоохранения.

Но именно в этом пункте и возник вопрос, связанный с социальным развитием и необходимостью управления общественным пониманием. Дело в том, что можно закупить новое оборудование, перестроить технологии, создать единую информационную базу данных, но если на станции переливания крови будет приходиться недостаточное количество доноров, то результата эта программа не даст. А ситуация с донорством в России в последние годы сложилась катастрофическая: по статистике 2007 г. мы имели 12 доноров на 1000 человек донороспособного населения, в то время как для необходимого обеспечения современной медицины (как в Европе, например) необходимо 40 человек на 1000. В США, которые занимаются заготовкой и экспортом некоторых жизненно важных препаратов крови этот показатель достигает 60 человек на 1000. При этом в России за последние 10 лет, как вследствие недостаточного внимания со стороны государства к Службе крови, так и вследствие (и в этом практически основная причина) отсутствия работы с общественным пониманием по поводу важности и необ-

ходимости донорства, количество доноров упало примерно в два раза. В силу этого в большой Программе развития Службы крови России была выделена специальная Программа развития массового и безвозмездного донорства крови и ее компонентов — т.е. именно та самая программа, задача которой в конечном итоге состояла в формировании позитивного понимания, переходящего в деятельностное отношение к донорству.

Когда начали проводить первичный анализ причин столь низкого количества доноров в России, выявились следующие, имеющие совершенно различные корни, причины:

- отсутствие мотивации к сдаче крови на постоянной основе (основная часть доноров сдает кровь, только когда возникает необходимость помочь родственникам, оказавшимся в беде, или под впечатлением от серьезных катастроф и несчастных случаев, а работе службы крови необходимо как раз постоянство и регулярные доноры);

- наличие в обществе негативных стереотипов в отношении донорства («вредно для здоровья», «опасно», «болезненно», «восстановление требует времени» и т.д.);

- неосведомленность населения о масштабах и серьезности проблемы с нехваткой донорской крови в стране;

- незнание социальных льгот и гарантий, предоставляемых донорам;

- слабая осведомленность о механизме работы Службы крови, о местонахождении станций переливания крови, не всегда удобный график работы Службы крови.

- неготовность многих работодателей предоставлять донору положенные по закону отгулы.

Все эти проблемы необходимо было решить за счет технологий управления общественным пониманием. Здесь важно отметить то, что результативность применяемых технологий в данной программе поддается прямому измерению: ее свидетельством служит увеличение количества доноров и сданных литров крови.

Другой программой социального развития является **Программа формирования здорового образа жизни «Здоровая Россия».**

Главной проблемой, вызвавшей к жизни эту программу, стало то, что здоровье в России не осознается, не понимается людьми как ценность. Россияне не склонны думать о здоровье как о собственном ресурсе и капитале, не склонны заботиться о своем здоровье (согласно опросам ВЦИОМ, проведенным в 2006 г., более трети россиян вообще не заботятся о своем здоровье, а среди тех, кто говорит о том, что заботится о нем, много таких, кто заботится пассивно). По сравнению с населением развитых европейских стран состояние здоровья россиян достаточно плохое. И вызвано это не столько проблемами организации здравоохранения, сколько отношением людей к собственному здоровью. По оценкам ВОЗ

лишь 10% состояния здоровья человека при настоящем уровне развития здравоохранения зависит от состояния здравоохранения, но около 50% приходится на образ жизни, который ведет человек. В итоге Россия по средней продолжительности жизни сильно не дотягивает даже до 70 лет, тогда как во многих странах средняя продолжительность жизни превышает порог в 80 лет, ведутся проектно-исследовательские разработки – каков должен быть образ жизни людей, живущих в интервале от 80 до 120 лет.

В качестве наиболее ярких примеров, показывающих необходимость государственной программы по формированию здорового образа жизни приведем краткую статистику:

- Россия лидирует в мировой статистике как по **потреблению алкоголя** на душу населения (18 л спирта на человека в год), так и по смертности мужчин, связанной с употреблением алкоголя (по отдельным видам причин мужская смертность в связи со злоупотреблением алкоголем выше женской в 3 – 4 раза). Это приводит к наличию в России феномена мужской сверхсмертности (по данным Росстата в 2006 г. продолжительность жизни у мужчин в среднем была на 13 лет меньше, чем у женщин).

- В России курят около 50% россиян. При этом темп роста курящих в России является одним из самых высоких в мире: в последние три года количество сигарет, выкуриваемых в стране, увеличивается на 2 – 5% в год, число курильщиков ежегодно увеличивается на 1,5 – 2%, включая женщин и подростков. А по числу курящих подростков Россия занимает отнюдь не почетное 4 место в мире.

- По данным ВОЗ в России лидирующими факторами риска смертности и заболеваемости являются: высокое артериальное давление, высокий уровень холестерина, курение и алкоголь, причем в утрате трудоспособности на первом месте стоит алкоголь (16,5%), а в смертности – высокое давление (35,5%).

Очевидно, что положение достаточно критическое, и если Россия хочет сохранить свой народ здоровым и долгоживущим, государственная программа по формированию здорового образа жизни необходима.

На первый взгляд, эти программы похожи. Во-первых, и в том и в другом случае мы можем выделить некоторую критическую ситуацию, высокую общественную потребность в изменениях. Во-вторых, программы схожи по формулировке своих стратегических установок: в одной мы должны изменить общественное понимание донорства так, чтобы донорство стало нормой жизни, а в другой – изменить общественное понимание так, чтобы здоровый образ жизни стал нормой жизни каждого нашего гражданина. Но при кажущемся сходстве в принципиальной, стратегической постановке целей программ, каждой из них требуется своя конфигурация, сборка технологий управления пониманием, имеющихся на сегодня в арсенале.

Программа возрождения и развития массового безвозмездного донорства в своем ядре имеет единую для всех участников этой программы технологию забора, переработки и переливания крови. И хотя в рамках этой программы мы вынуждены работать с совершенно разными общественными группами и позициями, такими, как персонал станций переливания крови, региональные и муниципальные власти, волонтерские организации, кадровые доноры, первичные доноры, потенциальные доноры, представители СМИ, бизнеса и религиозных конфессий и, соответственно, обеспечивать им разное понимание значения донорства, тех действий, которые они могли бы совершить, помогая Службе крови, все же наличие единой технологии как ведущей для Программы развития Службы крови, привело нас к идее воспользоваться такой конфигурацией технологий управления пониманием, как *институционализация*. Институт – социальный феномен, который с одной стороны позволяет выполнять важную для общества функцию, а с другой стороны, способен к самовоспроизводству.

Кроме того, так как Программа развития массового донорства рассчитана на устойчивый, долгосрочный и воспроизводящийся эффект, то использование отдельных средств управления пониманием из приведенного нами выше списка, или даже использование одновременно нескольких средств (будь то социальная реклама, просветительство и т.п.), т.е. проведение чисто коммуникационных мероприятий давало бы эффект только на время проведения, но при прекращении интенсивной кампании все постепенно возвращалось бы обратно к исходному положению дел. Организуемое нами понимание постепенно угасало бы, не находя закрепления в жизненном укладе и порядке, который может обеспечиваться такой формой, как институт. Наличие института с принятыми внутри него ценностями, стандартами взаимодействия, поведения, коммуникации, общностью его членов способно решить задачу сначала роста доноров, а затем и воспроизводства необходимой для страны их численности. Таким образом, реализация этих программ требовала использования практически всего арсенала имеющихся на сегодня средств и технологий управления пониманием, работы со всеми выделенными выше технологическими группами, а также, если так можно сказать, промежуточной, относящейся именно к организации и управлению пониманием формулировки стратегической цели. Задача – не просто сделать донорство одной из норм жизни общества, **но сформировать и развить институт донорства.**

Часто неудачи по управлению общественным пониманием бывают вызваны как раз тем, что не прорабатывается, не проговаривается стратегическая установка специально для управления пониманием, в которой, собственно, потенциально выражена конфигурация используемых затем технологий управления пониманием.

Эта статья, безусловно, не повод для того, чтобы подробно рассказывать о том, к каким технологическим следствиям и находкам в управлении пониманием в связи с Программой развития массового безвозмездного донорства привела такая формулировка задачи. С этим можно ознакомиться в краткой версии презентации программы²¹. Можно только сказать, что правильное формулирование стратегии управления пониманием привело к тому, что в регионах, где была реализована программа, число доноров в среднем увеличилось на 30%.

Совершенно иной стратегической формулировки для управления пониманием и, соответственно, конфигурации технологий управления пониманием потребует **Программа формирования здорового образа жизни**. Здесь ситуация схожа с той, которую еще в 1974 г. описывал Г.П. Шедровицкий. Тогда, обсуждая системное движение, он писал: «...“анализ систем”», “системный подход”, “общую теорию систем” и т.п. — я буду рассматривать как элементы, функциональные компоненты и организованности одного целостного образования — системного движения; я буду считать системное движение исходным предметом, а все образования — вторичными предметами, включенными в системное движение. Это означает также, что наряду с понятием “системная область” понятие “системное движение” будет рассматриваться как самое широкое в предметном плане: оно должно будет охватить и обозначить все, что так или иначе относится к “системам”, “системному исследованию”, “системному проектированию”, “общей теории систем” и т.д. и т.п., но должно будет представить все это иным образом, нежели представляет каждое из названных понятий, и в целокупности»²². «На мой взгляд, основная особенность системного движения (особенность, делающая его «движением») состоит в том, что оно объединяет представителей самых разных профессий, носителей разных систем средств, разных ценностных установок и точек зрения. В этом я вижу характерную особенность всякого научного и социокультурного движения (если сравнивать его с научным направлением)»²³.

Это очень похоже на то, что мы имеем сегодня в сфере здорового образа жизни и здоровья. С одной стороны, мы наблюдаем явный тренд (по крайней мере, в Европе и других развитых странах, хотя в последнее время и в России тоже) в сторону ведения людьми здорового образа жизни, поддержания здоровья, отношения к нему как к ценности, ресурсу и даже капиталу, но, с другой стороны, если мы попробуем обозреть все имеющиеся знания и теории по поводу того, а что же такое «здоровый образ жизни», то мы не только не сможем получить на это единый ответ, но, полагаю, даже на простую инвентаризацию точек зрения и теорий уйдет немало времени. При этом они будут строиться на совершенно разных основаниях, моделях и т.п.

Выше мы уже отмечали, что больших успехов в увеличении потенциала здоровья и продолжительности жизни населения исключительно за счет развития института здравоохранения добиться невозможно. Это уже было сделано практическими всеми странами в мире на первом этапе эпидемиологического перехода²⁴, когда продолжительность жизни граждан увеличилась, а состояние здоровья улучшилось за счет развития института здравоохранения. Но и тогда, при формировании нового института здравоохранения требовалась и проводилась работа по управлению пониманием с населением. Многие наверняка еще помнят сделанные в виде «комиксов» и висящие кое-где до сих пор на стенах в поликлиниках пугающие плакаты о том, к чему приводит самолечение и несвоевременное обращение к врачу. Тогда понимание формировалось в рамках стратегической установки на институционализацию²⁵. Сегодня, когда Россия пытается перешагнуть границу средней продолжительности жизни – 70 лет, она вынуждена переходить ко второму эпидемиологическому переходу²⁶, который как раз требует ухода от патернализма, активной жизненной позиции человека по отношению к собственному здоровью и, соответственно, к другой организации работы с пониманием.

Пока для нас очевидно, что мы должны сконцентрироваться на решении как минимум двух проблем управления пониманием. Первая – это формирование рефлексивно-понимающего отношения человека к собственному телу, его идентификации с собственным телом (в большинстве своем такое отношение у жителей России отсутствует). Вторая – запустить процессы циркуляции и получения людьми знаний о собственном здоровье, об управлении здоровьем, о техниках и формах здорового образа жизни. Такими каналами могут быть интернет, СМИ, врачи, учителя, тренеры, менеджеры в корпорациях. Вопросы управления знаниями сегодня в принципе стоят на повестке дня как важнейшие, но касаются они чаще всего работы корпораций и «ускорения» рефлексивно-понимающих процессов, обеспечивающих корпорации конкурентоспособность. Вопросы же управления знаниями в обществе обычно сводятся к обсуждению вопросов доступности, цензуры и т.п., т.е. носят технологически-политический характер. У нас же стоит задача сформировать новое знающее-понимающее отношение, постоянную коммуникацию вокруг темы здоровья и здорового образа жизни как для профессионалов, так и для тех, кто этими знаниями будет пользоваться на практике. Мы уже столкнулись с проблемой перевода теоретических, экспертных знаний в знания проектно-прикладные и понимаем, что это только начало сложного пути управления пониманием и рефлексией через механизмы управления знаниями (но уже не в масштабе корпорации, а в масштабе страны). Очевидно, что без максимального использования интернета и в особенности социальных сетей, мы не сможем решить поставленные

задачи. Таким образом, проблема управления пониманием здесь, как и в программе развития донорства, только уже в другом аспекте, встретится с технико-технологическими проблемами и решениями.

И уже очевидно, что следующие программы социального развития будут вызывать к жизни новые, пока еще не существующие, стратегические формулировки по управлению общественным пониманием.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Социальное проектирование в эпоху культурных трансформаций. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 3.

² См.: *Лефевр В.А.* Рефлексия. – М.: Когито-Центр, 2003.

³ См.: *Rushkoff D.* Cyberia: Life in the Trenches of Hyper-space. – N. Y., 1994.

⁴ См.: *Наумов С.А.* Гуманитарные знания и технологии в пространстве масс-медиа (философско-методологический анализ) // www.stanislavnaumov.ru

⁵ См.: *Друкер П.* Управление знаниями: рождение новой организации. – М.: Классика Harvard Business Review, 2006.

⁶ См.: *Генисаретский О.И.* Навигатор: методологические расширения и продолжения. – М.: Путь, 2003.

⁷ См.: *Щедровицкий Г.П.* Синтез знаний: проблемы и методы // *Щедровицкий Г.П.* Избр. тр. – М.: Шк. культ. полит., 1995. – С. 634 – 666.

⁸ <http://www.soobshestva.ru>; см. также: *Тейлор Ч.* Пересечение целей: спор между либералами и коммунистами // <http://kant.narod.ru/taylor.htm#n>

⁹ *Агитон К.* Сетевые сообщества и будущее интернет-технологий. Web 2.0 // <http://www.polit.ru/Lectures/2007/05/31/web.html>

¹⁰ См.: *Глазычев В.Л.* Глубинная Россия: 2000 – 2002. – М.: Новое издательство, 2003.

¹¹ См.: *Ваганов А.Г.* Предсказание настоящего времени // Социальное проектирование в эпоху культурных трансформаций – М.: ИФРАН, 2008.

¹² См. там же.

¹³ См.: *Ситюгин В.Ю.* Искусство реформирования. – М.: ММАСС-Культ, 2005.

¹⁴ См.: *Варела Ф.Х., Матурана У.Р.* Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания. – М.: Прогресс-Традиция, 2001.

¹⁵ См.: *Дебор Ги.* Общество спектакля. – М.: Логос, 2000.

¹⁶ «Смысл указывает на дальнейший смысл. Циркулярная закрытость этих указаний предстает в своем единстве как конечный горизонт всякого смысла – как мир. Поэтому мир обладает такой же неизбежностью и неотрицаемостью, какой и смысл. Любая попытка мысленно переступить смысл лишь расширяет его; она должна учитывать смысл и мир и поэтому быть тем, чем стремится не быть. Гуссерль описывал это положение вещей метафорой “горизонта”, не вдаваясь в подробный анализ самореференции всего смысла» // *Луман Н.* Социальные системы. – М.: Наука, 2007. – С. 109 – 110.

¹⁷ «Смысл и есть то, что задает ситуацию деятельности, это ее конституирующий, образующий элемент. Таково это определение смысла: смысл –

это вся система связей, отношений и отнесеней, которая связывает текст сообщения со всеми другими элементами ситуации, добавлю, соотносит все эти элементы ситуации друг с другом и создает целостность, систем самой ситуации» // Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. Т. 1 – М.: Восточная литература РАН, 2005. – С. 101 – 102.

¹⁸ Луман Н. Медиа коммуникации. – М.: Логос, 2005. – С. 19.

¹⁹ Наумов С.А. Гуманитарные знания и технологии в пространстве масс-медиа (философско-методологический анализ).

²⁰ См.: Луман Н. Власть. – М.: Праксис, 2001. – С. 16.

²¹ <http://www.minzdravsoc.ru/health/donors/18>

²² См.: Щедровицкий Г.П. Системное движение и перспективы развития системно-структурной методологии // <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/69>

²³ Там же.

²⁴ См.: Андреев Е., Кваша Е., Харьковская Т. Возможно ли снижение смертности в России // <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0145/tema01.php>

²⁵ Вот, например, характерная статья 1925 г., описывающая процессы институционализации и работы с пониманием рабочими необходимости прохождения диспансеризации: Гольдовская Т.И., Гурвич Б.Р. Диспансеризация рабочих прядильного цеха Трехгорной мануфактуры // Пограничная психиатрия. – М.: РЛС, 2006. – С. 809 – 812.

²⁶ Сатеруэйт М. Россия, застрявшая в переходе // <http://demography.invur.ru/index.php?id=300>

Аннотация

Сегодня управление *пониманием* в ходе социальных изменений становится важной задачей, однако для ее решения приходится использовать сложный и столь же дифференцированный, как и сам объект перемен, технологический набор. Современный опыт социальных изменений и их описаний позволяет выделить как минимум пять групп технологий, с помощью которых сегодня производится управление пониманием и взаимопониманием.

Ключевые слова:

понимание, управление, социальное развитие, рефлексия, управление знаниями, смысл.

Summary

Today management of understanding while social development processes is becoming very important topic. But for dealing with this object it's necessary to use complicated technological tools according to the complex object itself. Up-to-date experience of social development at the least makes it possible to mark out five technological groups of understanding management.

Keywords:

understanding, management, social development, reflection, knowledge management, sense, meaning.